

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ВЕДУЩИЙ ПРИЕМ ТЕКСТОВОЙ ИГРЫ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Марина Александровна Бокарева

Бухарский государственный университет, Бухара,
Узбекистан, bokareva.marina@inbox.ru
<https://www.doi.org/10.5281/zenodo.7743191>

ARTICLE INFO

Received: 05th March 2023

Accepted: 16th March 2023

Online: 17th March 2023

KEY WORDS

Дискурс, интертекст, символ, постреализм, игра, диалогичность, семиотика.

ABSTRACT

Предлагаемое исследование выполнено в аспекте изучения и анализа постреалистического дискурса. В современном литературоведении повсеместно применяются различного рода принципы и методики анализа художественного текста, в том числе, в постмодернизме они имеют принципиальные отличия от традиционного. Исследование постреалистического текста представляет собой аналитический процесс, выявляющий формы и способы образования смысла произведения, что дает возможность определить виды текстовой игры, а также коды и знаки, посредством которых и возникает понимание текста.

Введение. Современное научное знание «редактирует» опыт прошлых научных изысканий буквально во всех сферах в соответствие с реалиями действительности. Гуманитарная наука все больше опирается на системный подход, который предполагает синтезирование различных учений, отраслей знаний в анализе новых фактов. В свою очередь, современная филологическая наука склонна привлекать достижения и законы естественнонаучных дисциплин для своих исследований. Так, к примеру, современная теория текста, особенно касаясь постмодернистского или постреалистического дискурса для объяснения явлений интертекстуальности, языковой игры и проч. в процессе создания произведения привлекает учение о бессознательном в психологии и т.п. Изменилось со временем и отношение ко многим понятиям философии, применимым ныне в анализе художественного текста.

Методологическая основа исследования. Новизна исследования проблемы интертекстуальности заключается в выявлении и системном изучении художественных возможностей текстовой игры в качестве связующего и текстопорождающего фактора. В том числе, при этом устанавливаются культурно-исторические интертекстуальные связи в реалистическом и постреалистическом дискурсе. Наше внимание к данному вопросу определяется очевидным вкладом в изучение постреалистической и постмодернистской текстовой игры как литературно-

художественного явления. Предлагаемое исследование опирается на теорию диалога, теорию карнавала, разработанных в трудах М.Бахтина, теорию интертекстуальности Ю.Кристевой, Р.Барта и др. в значительной степени исследование основывается на работах современных ученых Фатеевой Н., Кузьминой Н., Чернявской В., Ильина И., Шиповникова И., Татарина А. и др. диссертационное исследование расширяет представление об основополагающих аспектах философской и литературоведческой концепции игры и диалогизма, о сущности понятия интертекстуальность,

Основная часть. Довольно продолжительное время игра как часть человеческого бытия считалась малопродуктивным объектом исследования. Ученые ограничивались рассмотрением специфики детской игры, а также актерства. С течением времени роль и значение игрового момента распространилось на более обширные сферы; игра стала предметом изучения философии, психологии, биологии, этнографии и эстетики с самых различных аспектов. Эпштейн М. заметил, что игра в качестве научной проблемы стала релевантной в литературоведении и семиотике, помимо прочих наук именно в силу популярности самого приема языковой и текстовой игры в современном художественном дискурсе. [13, С.276-303]

Художественная литература в конце XX-начале XXI веков стала наиболее продуктивным источником, в котором различные виды игры осуществляются в самых причудливых формах. Авторы при этом используют игру как инструмент создания текста, способ коммуникации. На ранних этапах развития литературного процесса, вплоть до XVIII-XIX веков подобный прием в произведениях применялся для создания комического. Каламбур в поэзии русских классиков, в особенности А.С.Пушкина, игровой способ текстопостроения у Н.В.Гоголя берут свое начало в русском фольклоре, в игровых жанрах устного народного творчества. Видимо поэтому современные авторы нередко прибегают к заимствованию именно элементов фольклора, мифологии, античных текстов в качестве сюжетобразующих, языковых, образных и прочих составляющих своих произведений.

Игра в современном художественном дискурсе обретает различные виды и формы реализации. Наиболее распространенная – цитация, интертекстуальность. Современные теории и концепции интертекстуальности чаще всего подходят к вопросу с точки зрения диалогизации включенных текстов. Обращаясь к самой истории появления термина «интертекстуальность», в первую очередь отметим фундаментальную работу Ю.Кристевой, в которой впервые термин упоминается. Для всей постмодернистской картины характерна знаковая интерпретация существующей в тексте реальности. Так что, именно эта черта постмодернистской поэтики традиционно обозначается как интертекстуальность. Постструктуралистская теория отвела данному типу роль доминирующего закона художественного творчества. В качестве базы для оформления теории интертекстуальности современное литературоведение использует исследования по теории диалога М.М.Бахтина. По Бахтину, в процессе написания художественного текста возникает своего рода коммуникация авторов – создателей множества текстов, разбросанных в пространственно-временном поле. Это порождает условный диалог между ними внутри нового дискурса. Потому при анализе подобных диалоговых взаимодействий явилось «понимание», т.е. сопоставление новоявленного

текста с остальными и интерпретация его в новом контексте. При этом с дальнейшим развитием диалога меняются значения использованных текстов. М.М.Бахтин замечает, что «диалогический контекст не имеет границ», «не существует первого и последнего слова». [2, С.217] Ученый, таким образом, констатирует, что любые значения, «рожденные в диалоге прошедших веков», завершенными быть не могут. [2, С.220]

«Интертекстуальность» как термин введен в обращение в 1967 году французским ученым, теоретиком постструктурализма Ю.Критевой. [15, С.69] Поначалу она использовала термин для названия универсального признака любого текста: художественный дискурс строится на отношениях и связях частей одного текста с другими существующими текстами. При этом, отсылки и связи могут быть четко выраженными или скрытыми. В любом случае, части текста способны ссылаться на любые другие явления. Тот факт, что термин возник именно на исходе XX века, закономерен. Современная действительность семиотизирована. Это обусловлено тотальной «оцифровкой» всех сфер человеческой жизни: развитие СМИ, общедоступность видов и произведений искусства, распространение образованности и прочие блага цивилизации. Универсальный слоган «Новое – это хорошо забытое старое» применим сегодня и к литературному творчеству.

Любое новшество в искусстве так или иначе соотносится с прошлым опытом. Такая связь указывает на подлинность изображенного, поскольку указывает на связь с традицией и новаторство в исполнении. Искусство, литература, таким образом, заведомо становятся интертекстуальными. Современное литературоведение выделяет три основные формы интертекстов: 1) цитацию как основную форму современных интертекстуальных научных статей. Такой текст является собранием маркированных отрывков готовых научных либо художественных дискурсов; 2) косвенный пересказ, при котором от текста остается основное значение и отдельные, наиболее важные отрывки; 3) отсылки, намеки на общеизвестные факты, либо сопутствующие ссылки на более ранние мысли, гипотезы.

Теоретики литературы выделяют также некоторые функции интертекстов: аутентичная называет собственно исходный текст или факт действительности, что обеспечивает полную обоснованность изложенному; текстообразующая формирует непосредственное пространство произведения; информационная сохраняет, воспроизводит или трактует какую-либо информацию. Уже в 1981 году ученые Дресслер В.У. и Богранд Р.-А. определили возникновение интертекстуальности при условии, что участник (писатель, читатель) знает о зависимости создания и восприятия текста от его взаимодействия с другими произведениями, текстами и проч. [4, С.18] Исследователи сделали вывод, что интертекстуальность порождена самим существованием текста, значит, понятия «текстуальность» и «интертекстуальность» следует изучать как явления взаимозависимые.

Тем не менее, другие западные исследователи, в том числе представители нарратологического направления литературоведения не приемлют столь широкой трактовки понятия. П. Ван ден Хевель и Л.Дэлленбах предлагают рассматривать интертекстуальность как отношения разных типов дискурсов внутри одного текста. В данной трактовке ученые согласны с М.М.Бахтиным в его теории взаимодействия

«своего» и «чужого» слова. Подобным же образом подходил к проблеме французский исследователь Женнет Ж. В работе «Палимпсесты: Литература во второй степени» он приводит классификацию наиболее типичных форм соотношения текстов: интертекстуальность как допустимость использования в одном тексте нескольких других текстов в виде цитации, аллюзии или плагиата; паратекстуальность, где текст напрямую зависит от заглавия, послесловия, эпиграфа и\или иных сюжетных и внесюжетных элементов; метатекстуальность, представляющая собой отсылку к предтексту, содержащая комментарий или критику; гипертекстуальность как пародирование (либо осмеяние) новым текстом предшествующего; архитектстуальность, рассматривающая взаимодействие и взаимосвязь текстов уже на уровне жанровой принадлежности. [7, С. 213]

В дальнейшем в литературоведение неоднократно предлагались различные классификации, в том числе внутри вышеупомянутой: выявлялись подтипы, модификации, виды интертекстов, заимствование и интерпретация сюжетов, мотивов, цитация явная и скрытая, аллюзия и реминисценция, плагиат, подражание и пародия, введение эпиграфов и перевод, подчас, вольный, экранизация и инсценировка и проч. К примеру, немецкие исследователи Пфистер М, Шульте-Мидделих Б. и Бройх У. анализировали функционирование интертекста в произведениях, доказывая, что интертекстуальность – осознанный, преднамеренный художественный прием, привлеченный автором с определенной целью, для создания определенного впечатления у читателя. Этот вывод шел в разрез с постулатом постструктуралистов об интертекстуальности как неосознанном, рефлексорном процессе из области больше психологии, нежели собственно художественного творчества. [14, С.373]

До сего дня как в русском, так и зарубежном литературоведении не сформировано однозначного обозначения интертекстуальности. Так, Р.Барт отмечал, что «всякий текст есть интер-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски "источников" и "влияний" соответствуют мифу о филиации произведения, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат - цитат без кавычек». [1, С.418] Тем не менее, вполне оформились два подхода к изучению феномена интертекстуальности – широкий и узкий. В широком смысле явление интертекстуальности рассматривается как общее свойство любого текста, т.е. универсальное понятие текстуальности. Данная концепция действует в системе семиотики и широко представлена в исследованиях Ю.Лотмана [9, С.17], Ю.Кристовой, Ж.Деррида, Р.Барта и проч. Согласно этой теории любой текст, созданный за всю историю человечества, может рассматриваться как интертекст, так как в основе его уже лежат предтексты (все предшествующие тексты, а также знаки, культурные коды, понятия, смыслы). Осваивая новый текст, составленный из ранее созданных, читатель познает и все созданное интертекстуальное пространство, приобщаясь к культурно-историческому опыту человечества.

Узкий подход в теории интертекстуальности рассматривает функционирование «чужого» слова лишь как специфическую черту отдельных текстов (либо модификаций

или определенных видов текста). Тогда под интертекстуальностью понимают четко сформулированные, читаемые отсылки к ранним текстам. Автор специально прибегает к использованию других текстов, а читатель в свою очередь с готовностью принимает авторскую игру и соотносит тексты друг с другом. Такой конкретный, узкий подход в трактовке интертекстуальности реализован в работах Чернявской В.Е., Кузьминой Н.А., Фатеевой Н.А. и проч.

Надо отметить также, что представитель русского литературоведения несколько расходятся во мнениях с западными исследователями, рассматривая «чужое» слово в структуре «нового» текста гораздо глубже. Так западная теория литературы, в особенности, постмодернистская и постструктуралистская, рассматривает интертекстуальность как набор цитат, «коллаж», в котором создание «нового» возможно исключительно при комбинировании, «жонглировании» предшествующими текстами. Кузьмина Н.А. утверждает, что при использовании чужого текста, автор придает ему иной смысл. При этом любой текст всегда сохраняет свои основные характеристики. Исследователь, таким образом, называет интертекстуальностью сущностное свойство художественного текста, а именно, его зависимость, обусловленность, типичность, закономерность в общем развитии мирового литературного процесса. [8, С.6] Фатеева Н.А. определяет два аспекта интертекстуальности: авторский и исследовательский (или читательский). При этом автор использует интертекстуальность как инструмент в производстве своего текста, посредством которого реализует авторское «эго» через взаимодействие с другими текстами. Читатель же способен полностью понять текст в случае понимания, узнавания использованных предтекстов. Перед читателем стоит непростая задача: увидеть и узнать «чужое» слово. В противном случае, «новый» текст просто потеряет заявленное, прогнозируемое значение. [11, С.206]

В свою очередь Чернявская В.Е. называет интертекстуальностью способность текста к свободному взаимодействию с любыми дискурсами. Кроме того, исследователь отмечает и восприимчивость текста к влиянию иных смыслов, соотнесенность частей текста к друг другу и к целому, множественность интерпретаций со стороны адресата и т.д. [12, С.99]

Ю.Тынянов рассматривал вопрос интертекстуальности при анализе приема пародии, считая именно пародию основополагающим принципом возобновления художественных структур, построенном на новом прочтении более ранних текстов. Ю.Тынянов указывает при этом, что пародия представляет собой бинарный текст, где текст-исходник более или менее выражен. Понимание пародии возможно лишь в том случае, когда реципиент знаком с предшествующей традицией. Исходный текст обязательно должен читаться в тексте пародии. [10, С.97]

Вывод, складывающийся из исследований упомянутых ученых, обнаруживает следующее: любой «новоявленный» текст являет собой отклик, отражение на предшествующий литературный, культурный, философский или исторический опыт, выраженный в тексте.

В творческом опыте, к примеру, Сухбата Афлатуни или Улугбека Хамдама интертекстуальность функционирует как инструмент текстопостроения. Отдельные

произведения создаются в духе постмодернистской мифопоэтики. В силу этого, художественный дискурс включает множество более или менее очевидных указаний на ранние тексты. Тексты Афлатуни и Хамдама почти полностью являют собой пример языковой игры. Предметом внимания исследователей уже становилось определение системы, методов и возможностей языковой игры на лингвистическом уровне. Задачей исследования выдвинуто выявление и систематизация приемов «игры в текст» или «игры с текстом», где именно интертекст становится наиболее существенным признаком идиостиля писателя. И к решению поставленной проблемы мы подходим с точки зрения поэтики, художественного своеобразия. Исходя из поставленных задач, в ходе исследования отказались от означенного выше «широкого подхода», который утверждает, что любой дискурс уже представляет собой интертекст. Тем не менее, однозначно согласиться с приверженцами «узкого подхода» к анализу интертекста также не можем. Принимая во внимание выводы Р.Барта о том, что интертекстуальность – явление бессознательное, неконтролируемое, обусловленное информированностью современного человека, отметили, что постмодернистские авторы прибегают к использованию «чужого» текста в своих произведениях нарочито и целенаправленно. Такой подход представляется актуальным в свете стремления современного научного знания к синкретичности. Поскольку рассматриваемая нами интертекстуальность определяется как вид текстовой и языковой игры, уместно также обозначить и жанровое пространство функционирования данного явления. В историко-литературном процессе сформировались жанры, намеренно построенные таким образом, чтоб адресат вольно или невольно включился в предлагаемое действие. У читателя по ходу действия складывается множество аллюзий, ассоциаций, он начинает усваивать замаскированные значения отдельных фактов, спрятанных в тексте. Такими жанрами традиционно становились пародия, комедия, а также эпиграмма, палиндром и, менее популярный, но не менее интересный акростих. Кроме того, подчас текстовая или языковая игра проявляется в жанрах, для которых она не специфична. Именно в этом случае игра, интертекстуальность напрямую зависит от воли автора. Следовательно, именно в этом случае данная черта (игра, интертекстуальность) будет определяющей в оценке художественного мастерства писателя, его идиостиля и языковой манеры. Разнообразие приемов и широта охвата заимствованного материала придает аутентичности и уникальности авторскому стилю.

Например, А.Платонов в своих текстах часто прибегал к парадоксальному сочетанию отдельных языковых единиц, что характеризует именно его художественный дискурс. [3, С. 62-71]

Заключение. В современном постмодернистском дискурсе, где автор априори ориентирован на энтропию прошлого культурного опыта, переосмысление известных эстетических категорий, сам процесс текстопостроения является некоей игрой как с языковыми единицами, изобразительно-выразительными средствами, так и со всеми смыслами, возникающими в процессе этих манипуляций. Явным отрицательным результатом таких упражнений стало появление текстов с непонятной, путанной архитектурой, потерей содержательного аспекта произведения. Чрезмерное

увлечение формальной составляющей произведения в ущерб содержательной отличает творчество Д.Джойса, Г.Гессе, П.Кортасара, Х.Л.Борхеса. По мнению исследователя Вежбицкой А. форма такого произведения рождается лишь в процессе той самой текстовой и языковой игры. Существование хоть какого-нибудь смысла и значения текста возможно лишь в рамках данной формы. Нет игры – нет формы, следовательно, нет и смысла. [6, С.211-214]

Современные писатели проявляют неугасимый интерес к различного рода языковой и текстовой игре. И поскольку эти приемы определяют своеобразие стиля автора, его узнаваемость, в качестве объекта исследования выбрали произведения писателей, для которых языковая игра, интертекстуальность, цитация стали не только инструментом построения текста и сюжетообразующим элементом, но и своего рода визитной карточкой идиостиля.

References:

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С.418
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979
3. Бобылев Б.Г. Опыт филологического анализа повести А. Платонова «Котлован» //РЯШ. 1991. № 2. - С. 62 - 71
4. Богранд Р.-А., Дресслер В.У. «Введение в лингвистику текста», 1981-
https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV841800
5. Бокарева М. «ИГРА В ТЕКСТ» КАК СПОСОБ ПОСТРОЕНИЯ ПОСТРЕАЛИСТИЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА //Gospodarka i Innowacje. – 2022. – Т. 23.
6. Вежбицкая 1997: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
7. Женетт, Ж. Палимпсесты: литература во второй степени / Ж. Женетт. – М.: Наука, 1982
8. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. — М.: КомКнига, 2006
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров (человек текст-семиосфера-история), - М., 1996
10. Тынянов Ю.Н. О пародии//Поэтика. История литературы. Кино.-М., 1997
11. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. -М.: КомКнига, 2006
12. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГУ экономики и финансов, 1999
13. Эпштейн М. Игра в жизни и в искусстве // Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX XX веков. -М.: Советский писатель, 1988.
14. Broich U., Pfister M., Schulte-Middelich B. Intertekualitat: Formen,Funktionen, anglistische Falestudien, Tübingen: Niemeyer,1985.XII.
15. Kristeva J. Sémeiotikè: Recherches pour une sémanalyse. P.: Seuil, 1969